

Несожданная кончина Анатолия Тимофеевича Шашкова была для меня одной из самых горьких потерь последних лет. И хотя виделись мы с ним далеко не каждый год, но был телефон, электронная почта, а главное – не прерывалась внутренняя связь моя с талантливейшим моим учеником, я был всегда в курсе его научных интересов, он – моих, случались иногда и совместные или параллельные работы над какой-то темой. А кроме того, он был связующим звеном с Уральским археографическим центром, с УрГУ, не единственным, но очень важным звеном, и к тому же совсем своим, родным: воспитанником самых первых и самых удачных моих семинаров в Новосибирском Академгородке. И я знал, что при нечастых личных встречах, при телефонных разговорах я опять и опять смогу не только опереться на его научную дотошность и эрудицию, обсуждая порой очень запутанные судьбы людей и страны в переломные века, семнадцатый и восемнадцатый (Россия всегда на переломе, разломе, сломе), но и снова ощутить его милое личное обаяние.

В своем семинаре в НГУ я дал студенту Шашкову тему, связывавшую два главных направления моих научных интересов тех лет: историю старообрядческой книжности и сложную судьбу греческо-русского богослова, философа, филолога XVI в. Максима Грека. Толя Шашков стал исследовать историю рукописного наследия Максима Грека в рамках старообрядческой книжной традиции, включая анализ рукописей с его сочинениями, составленных выговскими богословами, и процесс создания на Выгу собственного варианта собрания сочинений знаменитого афонца. Кодикологический анализ 12 крупнейших рукописей полного свода сочинений Максима Грека позволил детально воссоздать историю возникновения поморской редакции этого свода. Начинающий ученый смог заострить внимание на важном вопросе о роли творчества Максима Грека при упрочении братьями Денисовыми старообрядческой системы авторитетов. В своей кандидатской диссертации, успешно защищенной осенью 1982 г., Анатолий Тимофеевич дал пример досконального палеографического и текстологического анализа кодек-

сов XVII в. при расследовании попытки подделки сочинений афонца по нескольким проблемам, вызывавшим во второй половине этого века и позднее самые жаркие богословские споры. А весь комплекс привлеченных тогда Шашковым для исследования сочинений Максима Грека материалов позволил ученому показать, как и почему неуклонно расширялся считавшийся для мира староверия неоспоримым набор цитат из текстов афонца, какую принципиально важную роль сыграли его приемы филологической критики в становлении методов творчества Выговской литературной школы¹.

Переехав в Свердловск и получив работу на историческом факультете УрГУ, А. Т. Шашков вместе с другим моим новосибирским учеником В. И. Байдиным начал с 1978 г. под небывало энергичным руководством Рудольфа Германовича Пихои (написавшего в УрГУ кандидатскую диссертацию у известного византиноведа Сузюмова, а докторскую защищавшего у меня в Новосибирске по истории староверия) развивать новое для тогдашней уральской практики направление – полевую и камеральную археографию. Уже первые итоги этой удачнейшей работы можно было бы назвать по аналогии с известным высказыванием академиков А. М. Панченко и Д. С. Лихачева о Сибири «археографическим открытием Урала». Число спасенных для науки древних рукописных и старопечатных книг в организованном для их хранения Древлехранилище ЛАИ УрГУ вскоре превысило таковое, полученное новосибирскими экспедициями. И главное, сам предмет исследования, как вскоре оказалось, очень тесно связал оба центра. Не известные ранее науке тексты неизвестных же ранее писателей Востока России в не малом изобилии стали поступать в хранилища как Новосибирска, так и УрГУ. При этом не раз случалось, что какой-то деятель уралосибирского староверия, лишь упомянутый в моих книгах и статье

¹ См.: *Шашков А. Т.* Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Источниковедение и археография Сибири.* Новосибирск, 1977. С. 93–123; *Его же.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // *ТОДРЛ.* Л., 1979. Т. 33. С. 80–87; *Его же.* «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // *Сибирское источниковедение и археография.* Новосибирск, 1980. С. 59–72.

ях, при разборе уральской экспедиционной «добычи» становился вполне живым человеком из плоти и крови, яркой судьбы и немалого писательского таланта.

Очень важно, что новое направление сразу получило прочную базу – на истфаке Уральского государственного университета началась подготовка новых кадров археографов, все больше студентов и аспирантов стали включаться не только в трудную, но в чем-то и романтическую полевую работу, требующую немалой усидчивости, расширения собственного научного кругозора, в камеральную обработку привезенных источников, их датировку, атрибуцию, сопоставление с известными или ранее обнаруженными в поле редакциями и вариантами. Ведь собранное следовало не только хранить, но и изучать, составлять научные описания разной глубины, публиковать самое интересное. К чести уральских ученых следует сказать, что они не стали откладывать в долгий ящик весьма трудоемкое дело создания и публикации научных описаний своих коллекций. Были опубликованы 4 книги серии «Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья» и 6 книг каталога Древлехранилища ЛАИ УрГУ². Главный труд по составлению первых выпусков серии лег на плечи А. Т. Шашкова и В. И. Байдина; в них вошли и две их совместные статьи о писателях и сочинениях уралосибирской литературы XVII–XX вв., публикации ряда текстов с весьма качественным комментарием о событиях и людях как местного, так и общерусского охвата.

Поэтому неудивительно, что в книгах новосибирской серии «Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв.» многие страницы свидетельствуют об исследовательском таланте Анатолия Тимофеевича, принадлежат его перу. И это не только итоги скрупулезного текстологического анализа сочинений, отличающихся специфически-староверческой вариативностью, но и сотни биографических справок о деятелях почти четырех веков,

² См.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / сост. В. И. Байдин, А. Т. Шашков. Свердловск, 1991. Т. 1, вып. 1–2; Екатеринбург, 1993. Т. 2, вып. 1–2; Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского госуниверситета. Ч. 1–6. Екатеринбург, 1994–2000.

справок, требующих блестящего знания документальных источников³. Так открывалась литература, ранее успешно избегавшая внимания властей и ученых.

Старообрядческие авторитеты, включая общерусских писателей XVII в., почитались в этой литературе не меньше древнерусских текстов. И понятная логика источника повела Анатолия Тимофеевича ко временам и деятелям раннего староверия, к творчеству протопопа Аввакума и его учеников. Тема эта отнюдь не была новой для историко-филологической науки, здесь работали такие знаменитые предшественники, как Н. В. Каптерев, П. С. Смирнов, А. К. Бороздин, В. Г. Дружинин, Н. К. Гудзий, такие современники, как Д. С. Лихачев, Н. С. Демкова, А. М. Панченко. Но Анатолию Тимофеевичу удалось быстро доказать, что и здесь осталось немало неизвестного, требующего дополнительного анализа, сопоставления со вновь открывшимися источниками. Так, например, оказалось, что адресатом хорошо известного и часто анализируемого «Послания сибирской «братии» протопопа Аввакума...» являлся один из любимых учеников Аввакума Сергей (Семен Иванович Крашенинников). А. Т. Шашков многое уточнил и в динамике текста этого памятника, которая оказалась тесно связанной с историей первых самосожжений сибирских крестьян. А это потянуло за собой источниковедческую проблему анализа таких специфических документов, как письма крестьян властям, проблему, всегда очень интересовавшую и меня⁴.

В свою очередь, история той весьма заметной роли, которую, позднее играл Семен Крашенинников в известных идеологических спорах на Керженце, ввела в круг непосредственных научных интересов А. Т. Шашкова и этот знаменитый центр староверия, родину будущих урало-сибирских софонтиевцев (часовенных).

³ См.: Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Вып. 9.

⁴ См.: *Шашков А. Т.* Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 85–87; *Его же.* Сергей // ТОДРЛ. 1985. Т. 40. С. 159–161; *Его же.* Сергей (в миру Семен Иванович Крашенинников) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. С. 339–343.

Сочинения ранних идеологов староверия, как и споры на Керженце, нередко затрагивали такую острейшую проблему того времени, как допустимость самосожжений как актов отчаянного протеста против вероисповедальных притеснений и социальной несправедливости в обществе. Вскоре самосожжения XVII – первой четверти XVIII в. на Русском Севере и в Сибири стали отдельным важным направлением исследований А. Т. Шашкова, которому удалось собрать и систематизировать документальные и нарративные известия об этих событиях, масштаб которых оказался куда более значительным, чем предполагалось ранее. Выявились и влияние идей и деятелей знаменитого Соловецкого восстания, а также организаторов первых карельских самосожжений на идеологию и поведение участников урало-сибирских «гарей». В частности, это влияние, наличие единых закономерностей народного общественного сознания, реакцию на религиозные и социальные притеснения властей Шашков основывал на анализе самосожжений конца XVII – начала XVIII в. (ранее неизвестная Кокшенгская «гарь» 1685 г., Тегенская «гарь» 1687 г. и др.)⁵. Отметим, что эти его выводы хорошо коррелировали с нашими, сделанными ранее на документах 1720-х – 1780-х гг.

Этот перечень научных интересов А. Т. Шашкова далеко не полон, его можно было бы еще долго продолжать. Упомяну лишь еще об одной сфере его исследований, ставшей особо важной для екатеринбургских ученых в постсоветское время, об истории Югры и, шире, – Северо-Западной Сибири. Детально исследовалась история манси и хантов (вогулов и остяков), княжеств этого региона –

⁵ См.: *Шашков А. Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 294–300; *Его же.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 135–167; *Его же.* Неизвестная «гарь» 1685 года в верховьях Кокшенги (К изучению истории старообрядческих самосожжений конца XVII века) // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 104–111; *Его же.* Тегенская «гарь» // Документ, архив, история, современность. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 57–70; *Его же.* «Гари». Соловецкая мистерия черного дьякона Игнатия // Родина. 2000. № 10. С. 104–107.

Пелымского, Кондинского, Кодского, Сосьвинского, Обдорского, прослеживались первые контакты «югры» с русскими княжествами, новгородские, суздальские и московские отношения с этими далекими землями, история их вхождения в Московское государство. Отдельные книги посвящались истории Коды, Сургута, Нягани и Югорска, прослеживались судьбы первых христианских монастырей и многое другое. Особо хочется отметить то, что Анатолий Тимофеевич успел принять самое активное участие в успешном замысле уральцев: дополнять скрупулезные научные исследования общедоступным их изложением в аннотированных хрестоматийных изданиях источников, школьных учебниках с разработанным методическим аппаратом, сериях исторических очерков⁶.

Яркие научные исследования Анатолия Тимофеевича разбросаны в десятках разных изданий, сборников, он успел только начать их обобщение. Важная для отечественной науки задача полной публикации всех трудов А. Т. Шашкова в особом издании упала на плечи его коллег.

*Академик
Н. Н. Покровский*

⁶ См.: Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 51–58, 86–93; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 72–175; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учеб. для ст. кл. Екатеринбург, 1999. С. 52–200; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX в. : хрестоматия. Екатеринбург, 1999; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000 С. 75–160, 181–206; *Шашков А. Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4 : Евразийское пограничье. С. 8–51; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 114–243.